

Продовольственная кампания 1901–1902 годов: итоги и последствия

Аннотация: в данной статье, завершающей цикл, анализируются итоги продовольственной кампании 1901–1902 гг. Показываются масштабы государственной помощи, а также ее недостатки, связанные главным образом с недостаточностью развития транспортной сети. Указывается на сравнительно скромное влияние частной благотворительности. Особое внимание уделяется рассмотрению вопроса об эффективности продовольственной кампании, для чего осуществляется оценка влияния продовольственного кризиса на смертность и заболеваемость населения, а также на его экономическое положение.

Ключевые слова: история, голод, продовольствие, транспорт, неурожай, уровень цен, заболеваемость, смертность, благотворительность, статистика.

Всего на продовольственную кампанию 1901–1902 гг. было истрачено 33,7 млн. руб.¹ В виде ссуд выдали 28 млн. пудов хлеба из местных запасов и 30 млн. пудов хлеба, закупленного на деньги, выделенные государством². Как и в прошлые продовольственные кампании, ссуды оставались основным видом помощи. Несмотря на значительное количество выданного зерна, речь не шла о полной компенсации последствий неурожая. Так, по 63 губерниям урожай только ржи в 1901 г. был почти на 200 млн. пудов меньше среднего сбора за пятилетие 1899–1903 гг.³ Государственную помощь получили Таврическая, Екатеринославская, Харьковская, Орловская, Тамбовская, Воронежская, Нижегородская, Казанская, Самарская, Симбирская, Саратовская, Вятская, Уфимская, Пермская, Оренбургская, Тобольская, Томская, Енисейская губернии, Акмолинская, Семипалатинская области и Область Войска Донского. Самую большую помощь получило население Томской губернии: на закупку и доставку хлеба для нее истратили 9,5 млн. руб. (почти четверть расходов по Российской империи в целом), в качестве ссуд в губернии выдали свыше 9 млн. пудов зерна. Следом за Томской шли губернии: Самарская (6,3 млн. пудов), Вятская (6,1 млн. пудов), Уфимская (5,3 млн. пудов), Пермская (5,0 млн. пудов), Казанская (5,0 млн. пудов), Тамбовская (5 млн. пудов), Саратовская (4,4 млн. пудов), Сим-

бирская (3,7 млн. пудов), Воронежская (3,2 млн. пудов). Размер ссуд, выданных жителям остальных губерний, был менее значительным⁴.

Любопытно, что не потребовала ссуды Лифляндская губерния, пострадавшая не в меньшей степени, чем губернии Центральной России. А. С. Ермолов связывал меньшую остроту неурожая, не требовавших, как правило, помощи государства, в прибалтийских, белорусских и польских губерниях с господствовавшим там подворным землевладением⁵.

Иная ситуация сложилась в восточных губерниях Европейской России и в Сибири. Несмотря на бум железнодорожного строительства, доставка хлеба в эти местности все еще представляла собой большую проблему. Даже в Европейской России некоторые уезды (напр., Старобельский Харьковской губернии) оказались «недостаточно обслуженными» железнодорожными путями⁶. Особенно актуальна эта проблема была для восточных районов Европейской части России (Казанской, Пермской губерний), а также для Сибири. Даже официально признавалось, что «своевременную доставку семенного хлеба в Сибирь нельзя не признать лишь следствием необычайно позднего наступления времени осеннего сева»⁷.

Доставка хлеба по воде тоже не была выполнена безупречно. Так, часть направлявшегося в Вятскую губернию хлеба зазимовала на Каме вслед-

¹ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. Ч. 2. СПб., 1909. С. 16.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 241. Д. 221. Л. 165–166.

³ Подсчет по: Давыдов М. А. Об уровне потребления в России в конце XIX – начале XX вв. С. 244.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 221. Л. 137–165.

⁵ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. С. 9.

⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 221. Л. 140.

⁷ Там же. Ф. 22. Оп. 2. Д. 3001. Л. 11.

ствии осеннего мелководья рек Вятки и Белой. Часть грузов не смогли доставить осенью в Казанскую губернию. Не была своевременно доставлена рожь в Томскую губернию⁸.

Трудности со своевременной доставкой хлебных грузов в отдаленные местности привели к идее создания центральных продовольственных складов в Томской, Тобольской, Вятской, Уфимской, Пермской губерниях, а также в Акмолинской области. Первым шагом к образованию хлебных запасов для них должно было стать взывание ссуд с населения не деньгами, а хлебом (из расчета 2 пуда за пуд полученной ссуды). Это явилось льготой, поскольку стоимость ссудного хлеба превышала ожидаемые рыночные цены втрое⁹. Причиной дороговизны стало то, что доставка хлеба гужевым транспортом подняла заготовительные цены хлеба¹⁰. Всего на гужевую перевозку, прием, хранение и страхование хлеба для ссуд было истрчено свыше 2 млн. руб.¹¹ При этом в Старобельском уезде цена выданного в ссуду хлеба составила 76 коп. за пуд, в Симбирской губернии — 68,5 коп., в Самарской — 61,6 коп., а в Пермской — 97 коп. и в Томской — от 92 коп. до 1 руб. 35 коп. (позднее цена по этой губернии снижена на 3 коп.)¹². Возвращение ссуд из расчета 2 пуда за 1 пуд ссудного хлеба действовало только в 1902 г. на территории части сибирских и европейских губерний и касалось как продовольственных, так и семенных ссуд, а для некоторых регионов (Акмолинская область) было заменено на 1,5 пуда за 1 пуд ссуды¹³.

Для продовольственной кампании 1901–1902 гг. установили твердые сроки возврата продовольственных долгов. Семенные ссуды необходимо было вернуть за один год (за исключением особых случаев, т. е. неурожая), а продовольственные — за 3 года¹⁴. Однако долг по-прежнему почти не возвращали: к 1905 г. возвращено лишь 771 тыс. руб., а сложено за эти же годы 24,9 млн. руб. Сам продовольственный долг к 1 января 1905 г. возрос до 127,6 млн. руб.¹⁵

От заготовленного в 1901 г. хлеба осталось около 600 тыс. пудов¹⁶. Эти остатки расходовали

по-разному. В Казанской губернии средства истратили на продовольственную кампанию 1902 г.¹⁷ В Оренбургской губернии излишне заготовленный хлеб постановили продать, а прибыль внести в продовольственный капитал, понизив на соответствующую сумму долг по губернии¹⁸. В Тамбовской губернии остатки средств решили истратить на помощь рабочим Вознесенского железоделательного завода в случае его закрытия¹⁹. Излишки существовали и в других губерниях.

Не во всех случаях поставленное государством зерно было должного качества. Так, в некоторых селениях Екатеринославской губернии ссудный посевной хлеб дал плохие всходы, так как к яровой пшенице оказалась примешана озимая, и посев был скошен на траву, не дав никакого урожая. В итоге постановлено было разыскивать недобросовестных поставщиков, а долг (2340 пудов) за крестьянами не записывать²⁰.

Общественные работы, второй источник помощи, имели меньшее распространение, чем ссуды. К ноябрю 1901 г. в правительственных общественных работах участвовало 28 тыс. человек, в то время как только в Казанской губернии насчитывалось 40 тыс. готовых работ²¹. Всего же за время продовольственной кампании обеспечено работой было 50 тыс. человек²². Проекты, разработанные земствами, также большей частью остались неисполненными: из 5-миллионного кредита израсходовали лишь 1 млн. руб. Земства боялись брать на себя лишнюю ответственность и долги²³. Хорошо проявило себя Попечительство о домах трудолюбия, чья деятельность в основном разворачивалась в Сибири (впервые в организации общественных работ для голодающих Попечительство участвовало в 1898 г.). В 1901–1902 гг. на общественные работы в Тобольской, Томской и Енисейской губернии было истрчено более 259 тыс. руб.²⁴

Благотворительность в основном обеспечивалась деятельностью Красного Креста. В виде пожертвований от благотворителей собрали 200 тыс. руб. В 24 губерниях действовали 428 попечительств Красного Креста. Открыто было 1400 столовых, 140 пекарен и питательных пун-

⁸ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. Ч. 1. С. 240.

⁹ РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 3001. Л. 110б. – 15.

¹⁰ Там же. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 221. Л. 114, 137-165.

¹¹ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. С. 253–254.

¹² РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 3001. Л. 48, 50, 52об., 57, 58об., 73.

¹³ Там же. Л. 260б.

¹⁴ Там же. Л. 10–100б, 89.

¹⁵ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. С. 266–267.

¹⁶ Там же. С. 239.

¹⁷ РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 3001. Л. 580б.

¹⁸ Там же. Л. 38.

¹⁹ Там же. Л. 91об.–92.

²⁰ Там же. Л. 21–210б.

²¹ Там же. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 220. Л. 140б.

²² Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. С. 245.

²³ Там же. С. 254.

²⁴ См.: Краткий обзор деятельности Попечительства о трудовой помощи. 1895–1915 гг. Пг., 1915. С. 39, 43.

ктов. Мукой и хлебом выдано 1,5 млн. пайков, столько же — овощными консервами, горячей пищей — 12 млн. пайков. На продовольственных пунктах кормилось 0,5 млн. человек, врачебной помощью воспользовались 155 тыс. человек, а общее число воспользовавшихся помощью Красного Креста составило 800 тыс. человек. Однако деятельность Красного Креста была менее масштабной, чем в 1898–1899 гг., когда эта организация обеспечила питанием 2,7 млн. человек, организовав 7158 столовых²⁵. В работе благотворительных столовых принимало участие и духовенство. Так, 18 сестер Барнаульского монастыря обеспечивали работу бесплатных столовых в Покровской, Ярковской, Карасукской, Нижне-Чулымской и Касмалинской волостях Барнаульского уезда Томской губернии²⁶.

Частная благотворительность была сведена к минимуму и поставлена под контроль местных властей, однако те, кто хотел, мог помогать голодающим. Так, в Томске в организации бесплатных детских столовых участвовала знаменитая купеческая семья Кухтериных²⁷. Казанский губернатор сообщал, что в период продовольственной кампании было выдано лишь одно разрешение местной землевладелице на устройство в ее усадьбе столовой для малолетних и чайной для престарелых²⁸. Для частных лиц существовала и другая возможность помочь голодающим: стать попечителем при местной администрации. Обязанности попечителя заключались в слежении за «степенью обеспечения обывателей продовольственными средствами» и в организации «самой подачи помощи, в особенности в тех случаях, когда она потребует в виде более сложном, чем простая выдача ссуд хлебом или деньгами». Однако «лучшие общественные силы предпочли остаться в стороне — зрителями и часто суровыми критиками действий администрации...»²⁹.

Оценивая эффективность продовольственной кампании 1901–1902 гг., нужно в первую очередь рассмотреть вопрос о влиянии голода на

смертность. Хотя неурожаем 1901 г. стал серьезным испытанием для крестьянских хозяйств, особенно бедных, кризиса смертности не случилось (таблица 5). Повышение абсолютного числа умерших весной 1902 г. в значительной степени объясняется эпидемией кори, число жертв которой только по неполным официальным данным превысило почти на 30 тыс. среднегодовое количество ежегодно умиравших от этой болезни за 1901–1905 гг. По-видимому, эпидемия кори привела и к повышению смертности весной 1904 г.³⁰ Пик заболеваемости корью пришелся на февраль 1902 г., в последующие месяцы число болевших снижалось. По заболеваемости корью лидировали Таврическая, Вольнская и Олонекская губернии. В Самарской, Уфимской, Томской, Тобольской и других сильно пострадавших от неурожая губерниях болезнь практически не получила распространения³¹. География болезни, таким образом, не дает оснований считать причиной ее широкого распространения недоедание в результате неурожая³².

Таблица 5

Количество смертей в 50 губерниях Европейской России по месяцам в 1900–1904 гг.

Месяц	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.
Январь	261 173	286 886	269 918	247 799	258 798
Февраль	247 843	248 650	257 720	216 599	241 387
Март	262 143	259 617	289 783	248 263	275 936
Апрель	248 053	237 050	286 555	230 540	266 533
Май	223 308	227 487	248 983	225 666	252 039
Июнь	236 638	328 369	257 404	318 470	260 287
Июль	299 371	389 303	328 303	409 202	278 035
Август	319 722	312 188	310 923	310 209	270 724
Сентябрь	216 431	218 963	228 976	227 202	237 328
Октябрь	216 349	232 858	217 826	217 321	238 442
Ноябрь	247 557	239 291	256 220	213 065	266 352
Декабрь	274 752	236 354	248 741	238 877	304 097
За год*	3 055 030	3 218 501	3 204 333	3 103 213	3 149 958

* С учетом лиц, дата смерти которых неизвестна.

Сост. по: Ежегодник России. 1905 г. СПб., 1906. С. 122; Ежегодник России. 1906 г. СПб., 1907. С. 103; Ежегодник России.

²⁵ Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. С. 156, 257–258.

²⁶ Власова А. В. Милосердное и патриотическое служение Русской православной церкви в годы стихийных бедствий на Урале (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23 (161). История. Вып. 33. С. 49.

²⁷ Дмитриенко Н. М., Зиновьев В. П. Купеческая семья Кухтериных // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.): Межвузовский сборник научных статей. Барнаул, 1995. С. 199.

²⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 119. Г. 1902. Д. 119. Л. 606–7.

²⁹ Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. С. 234–236

³⁰ См.: Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Пг., 1916. С. 69–70.

³¹ См.: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1902 г. СПб., 1904. С. 25–27.

³² О связи заболеваемости корью и недоеданием см. также: Filtzer D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943–1953. Cambridge, 2010. P. 278–281.

1907 г. СПб., 1908. С. 89; Ежегодник России. 1908 г. СПб., 1909. С. 89; Ежегодник России. 1909 г. СПб., 1910. С. 94.

Данные о движении населения в Сибири менее надежны, чем данные по Европейской России. Из-за того, что «население очень разбросано, и приходы чрезвычайно растянуты»³³, в метрических книгах могло недоучитываться значительное количество родившихся и умерших. Однако «регистрация естественного движения населения Сибири достигла к началу XX в. уже довольно большой полноты»³⁴. Смертность в Сибири в 1902 г. выросла до 32,3 промилле (по сравнению с 30,8 в 1901 г.). Однако такое же и даже большее повышение смертности происходило и в благополучные по урожаю годы: так, в 1900 г. смертность достигла 35,9 промилле, а в 1904 г. — 33 промилле³⁵, что связано, по-видимому, с эпидемиями. В источниках не содержится сведений о смертях от голода в сибирских губерниях, хотя информация о тяжелом положении жителей встречается. Инспектор при Комитете Попечительства о домах трудолюбия и работных домах Евреинов после осмотра Каинского уезда Томской губернии и некоторых частей Тюкалинского и Ишимского уездов Тобольской губернии писал в отчете 24 апреля 1902 г.: «Картин голода повального, массового, мне по счастью, не приходилось видеть, не приходилось встречать и эпидемических заболеваний цинги или голодного тифа. Но недоедание, нужда крайняя, горькая были налицо...»³⁶ Газета «Сибирская жизнь» в ноябре 1901 г. сообщала о голодающих переселенцах Минусинского уезда, у большинства из которых «давно нет ни фунта муки, ни копейки денег, ни надежды найти какую-либо работу»³⁷. В той же газете рассказывалось о тяжелом положении духовенства Змеиногорского уезда по случаю неурожая³⁸. Однако в целом сибирские крестьяне были зажиточнее, чем крестьяне Европейской России. По утверждению современного исследователя, «зажиточность способствовала более устойчивому сопротивлению организма, так как больших голодовок

³³ См.: Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг, 1916. С. 47.

³⁴ Сифман Р. И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 72.

³⁵ Там же. С. 73.

³⁶ Цит. по: Сборник сведений по состоящему под августейшим представительством Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны Попечительству о домах трудолюбия и работных домах. Вып. IX: Отчет по оказанию трудовой помощи от неурожая в Сибири. 1902 г. СПб., 1904. С. XII.

³⁷ Сибирская жизнь (Томск). 1901. 28 ноября.

³⁸ Сибирская жизнь (Томск). 1901. 29 ноября.

в Сибири не было. Даже в годы неурожая сибирский крестьянин имел молоко и мясо»³⁹.

Продовольственный кризис также оказал некоторое влияние на заболеваемость населения. Выше уже упоминалось об увеличении заболеваемости цингой. Еще одним спутником голода был сыпной тиф. Так, в среднем за 1887–1891 гг. регистрировалось 65 тыс. больных сыпным тифом в год, в голодном 1892 г. зарегистрировано 184 тыс.⁴⁰, а в 1897 г. — всего 36 тыс.⁴¹ Однако в 1902 г. скачка заболеваемости тифом не произошло, а лидером по количеству заболеваний оказалась Херсонская губерния⁴². Незначительно увеличилась заболеваемость возвратным тифом (главным образом за счет Астраханской губернии)⁴³. В 1902 г. от всех видов тифов умерло 75,7 тыс. человек, что меньше среднего показателя 1901–1905 гг. (78,4 тыс. человек). Что касается основных инфекционных заболеваний, то помимо уже упоминавшейся кори увеличилась смертность от коклюша: в среднем за пятилетие 1901–1902 гг. от этой болезни умирало по 73,3 тыс. человек в год, а в 1902 г. скончалось 89,9 тыс.⁴⁴ Наибольшая заболеваемость коклюшем зарегистрирована в Херсонской, Пермской, Черниговской, Архангельской, Саратовской, Полтавской, Таврической, Тамбовской, Пензенской, Санкт-Петербургской, Симбирской, Московской и Нижегородской губерниях⁴⁵.

Несмотря на то, что влияние продовольственного кризиса на заболеваемость и смертность было минимальным, 1901–1902 гг. тяжело отразились на благосостоянии народа. Новый министр внутренних дел В. К. Плеве, подводя итоги продовольственной кампании 1901–1902 гг., писал: «При всем том я не могу умолчать, однако, что урожаем минувшего года не только крайне тяжело отозвался на благосостоянии сельских обывателей достигнутого им района, но и засвидетельствовал общее понижение уровня хозяйственной зажиточности крестьянского населения»⁴⁶. Положение в различных губерниях было неодинаковым. Орловский

³⁹ Бурматов А. А. Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округа. Новосибирск, 1997. С. 37.

⁴⁰ Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1892 г. СПб., 1896. С. 14.

⁴¹ Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913 г. СПб., 1915. С. 32.

⁴² См.: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1902 г. С. 44, 46.

⁴³ Там же. С. 47.

⁴⁴ Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. С. 69–70.

⁴⁵ Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1902 г. С. 33.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 221. Л. 133.

губернатор в отчете писал: «Продовольственная кампания минувшего года была выполнена с полным успехом, и недостаток продовольствия не отразился особо неблагоприятно на общем благосостоянии населения Орловской губернии»⁴⁷. Однако не везде дела обстояли так хорошо. Тамбовский губернатор сообщал, что «в первую половину этого [1902. — Е. Б.] года еще ощущались последствия недорода 1901 года, что выражалось довольно значительным числом заболеваний и смертности, вследствие развития эпидемий — тифа, дифтерита, скарлатины, оспы...»⁴⁸.

Особенно неблагоприятно неурожаи сказывались на крестьянском скотоводстве. В годы неурожаев поголовье скота снижалось, поскольку недостаток кормов вынуждал крестьян продавать и забивать скот. Так, в Воронежской губернии поголовье скота упало вследствие неурожая 1901 г., но восстановилось к 1903 г. То же происходило в Тамбовской губернии⁴⁹. В Пермской губернии из-за неурожая 1901 г. поголовье лошадей к 1903 г. уменьшилось на 6,0 %, крупного рогатого скота — на 11,4 %, мелкого рогатого скота — на 11,1 %, свиней — на 26,9 %⁵⁰. Однако в целом по Европейской России в 1900–1902 гг. наблюдался рост поголовья лошадей и крупного рогатого скота. Сильно уменьшилось в 1901 г. лишь количество овец, однако в 1902 г. оно уже превзошло уровень 1900 г.⁵¹

Тяжесть неурожая и голода для населения также можно оценить, проанализировав динамику посевных площадей. Посевные площади главнейших культур (ржи, пшеницы, ячменя, овса, гречихи, проса, картофеля) в 50 губерниях Европейской России в 1902 г. выросли по сравнению с 1901 г. на 0,1 млн. десятин (в 1901 г. по сравнению с 1900 г. — на 3,3 млн. десятин) Это указывает на то, что влияние неурожая было сравнительно легким (после неурожая 1906 г. посевные площади сократились на 1,2 млн. десятин, а после неурожая 1911 г. — на 1,5 млн. десятин)⁵²

⁴⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1902 г. Д. 129. Л. 2об.

⁴⁸ Там же. 1903 г. Д. 131. Л. 4об.

⁴⁹ *Перепелицын А. В.* Влияние неурожаев на развитие крестьянского хозяйства Центрально-Черноземных губерний России в конце XIX века // *Вестник Тамбовского государственного университета. Гуманитарные науки. История.* Вып. 4 (44). 2006. С. 89.

⁵⁰ *Пьянков С. А.* Производство продовольствия в крестьянских хозяйствах Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // *Исторический ежегодник.* 2011: Сб. науч. тр. / Гл. ред. А. Х. Элерт. Новосибирск, 2011. С. 84.

⁵¹ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 240–241.

⁵² Подсчет по: Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 144.

Изложенное выше подтверждает, что оценка продовольственной системы советскими исследователями, в концентрированном виде содержащаяся в приведенной в начале статьи цитате из книги П. Н. Першина, является во многом несправедливой. Так, неверно утверждение о том, что правительство мало заботилось о бедствиях крестьян, поскольку и в конце XIX в. и в начале XX в. осуществлялось активное реформирование продовольственного дела. Нельзя назвать мизерной помощью населению в годы крупных недородов: выделяемые на нее средства составляли существенную часть от государственного бюджета страны и при этом все время росли⁵³. «Преумножение бедствия» чиновниками связано с ненадежностью сельскохозяйственной статистики. Частная благотворительность действительно ограничивалась, но в годы самых сильных недородов все же распространялась широко, а сбор пожертвований можно было осуществлять через Красный Крест и Православную церковь.

Неурожаем 1901 г. стал тяжелым испытанием для сельского населения пораженных им областей. Однако усилия властей, земств и частных благотворителей позволили минимизировать его влияние на заболеваемость и смертность населения. Однако одно введение новых продовольственных правил не могло предотвратить всех пагубных последствий неурожая. В. К. Плеве писал: «Не определяя всех способов борьбы с продовольственной нуждой, действующие правила, естественно, должны были оказаться недостаточными при неурожае 1901 года, который по своим размерам ... в одних лишь пострадавших уездах являлся уже народным бедствием»⁵⁴. В целом реформа продовольственного дела в 1900 г. привела лишь к частным изменениям, не затронув самой сути. Основанная на принципе кредитования заведомо неплатежеспособных, она и дальше, даже при ужесточении порядка выдачи и взыскания ссуд, приводила бы к новому кругу роста недоимок и списания их за безнадежностью. Несомненно, что продовольственное дело нуждалось в дальнейшем реформировании, ход которого заслуживает специального рассмотрения. Неурожай 1901 г. подталкивал власти к мысли, что необходимы масштабные мероприятия, направленные на подъем сельского хозяйства в целом. Эти меры будут реализованы, но позднее — в годы Столыпинской реформы.

⁵³ *Ермолов А. С.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Ч. 2. С. 17.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 221. Л. 124. См. также: *Земельное обложение* / Сост. С. И. Шидловский. СПб., 1904. С. 1–2.

Список литературы:

1. Бурматов А. А. Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округи. Новосибирск, 1997.
2. Власова А. В. Милосердное и патриотическое служение Русской православной церкви в годы стихийных бедствий на Урале (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23 (161). История. Вып. 33.
3. Давыдов М. А. Об уровне потребления в России в конце XIX – начале XX вв. // О причинах русской революции. М., 2010.
4. Дмитриенко Н. М., Зиновьев В. П. Купеческая семья Кухтериных // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.): Межвузовский сборник научных статей. Барнаул, 1995.
5. Ежегодник России. [1905–1909]. СПб., [1906–1910].
6. Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Т. 1–2. СПб., 1909.
7. Земельное обложение / Сост. С. И. Шидловский. СПб., 1904.
8. Краткий обзор деятельности Попечительства о трудовой помощи. 1895–1915 гг. Пг., 1915.
9. Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.
10. Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Пг., 1916.
11. Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916.
12. Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1892 г. СПб., 1896.
13. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1902 г. СПб., 1904.
14. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913 г. СПб., 1915.
15. Перепелицын А. В. Влияние неурожаев на развитие крестьянского хозяйства Центрально-Черноземных губерний России в конце XIX-го века // Вестник Тамбовского Государственного Университета. Гуманитарные науки. История. Вып. 4 (44). 2006.
16. Пьянков С. А. Производство продовольствия в крестьянских хозяйствах Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // Исторический ежегодник. 2011: Сборник научных трудов / Гл. ред. А. Х. Элерт. Новосибирск, 2011.
17. Сборник сведений по состоящему под августейшим представительством Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны Попечительству о домах трудолюбия и работных домах. Вып. IX: Отчет по оказанию трудовой помощи от неурожая в Сибири. 1902 г. СПб., 1904.
18. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917.
19. Сифман Р. И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977.
20. Filtzer D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943–1953. Cambridge, 2010.

References (transliteration):

1. Burmatov A. A. Demograficheskaya istoriya Kainska-Kuybysheva i ego okrugi. Novosibirsk, 1997.
2. Vlasova A. V. Miloserdnoe i patrioticheskoe sluzhenie Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v gody stikhiyных bedstviy na Urale (konets XIX – nachalo XX vv.) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 23 (161). Istoriya. Vyp. 33.
3. Davydov M. A. Ob urovne potrebleniya v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. // O prichinakh russkoy revolyutsii. M., 2010.
4. Dmitrienko N. M., Zinov'ev V. P. Kupecheskaya sem'ya Kukhterinykh // Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri (XVIII - nachalo XX vv.): Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey. Barnaul, 1995.
5. Ezhegodnik Rossii. [1905–1909]. SPb., [1906–1910].
6. Ermolov A. S. Nashi neurozhai i prodovol'stvennyy vopros. T. 1–2. SPb., 1909.
7. Zemel'noe oblozhenie / Sost. S. I. Shidlovskiy. SPb., 1904.
8. Kratkiy obzor deyatel'nosti Popechitel'stva o trudovoy pomoshchi. 1895–1915 gg. Pg., 1915.
9. Litoshenko L. N. Sotsializatsiya zemli v Rossii. Novosibirsk, 2001.
10. Novosel'skiy S. A. Obzor glavneyshikh dannykh po demografii i sanitarnoy statistike Rossii. Pg., 1916.
11. Novosel'skiy S. A. Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii. Pg., 1916.
12. Otchet Meditsinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del za 1892 g. SPb., 1896.
13. Otchet o sostoyanii narodnogo zdравиya i organizatsii vrachebnoy pomoshchi v Rossii za 1902 g. SPb., 1904.
14. Otchet o sostoyanii narodnogo zdравиya i organizatsii vrachebnoy pomoshchi v Rossii za 1913 g. SPb., 1915.

15. Perepelitsyn A. V. Vliyaniye neurozhaev na razvitiye krest'yanskogo khozyaystva Tsentral'no-Chernozemnykh guberniy Rossii v kontse XIX-go veka // Vestnik Tambovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye nauki. Istoriya. Vyp. 4 (44). 2006.
16. P'yankov S. A. Proizvodstvo prodovol'stviya v krest'yanskikh khozyaystvakh Permskoy gubernii v kontse XIX — nachale XX veka // Istoricheskiy ezhegodnik. 2011: Sb. nauch. tr. / Gl. red. A. Kh. Elert. Novosibirsk, 2011.
17. Sbornik svedeniy po sostoyashchemu pod avgusteyskim predstavitel'stvom Eya Velichestva Gosudaryni Imperatritsy Aleksandry Fedorovny popечitel'stvu o domakh trudolyubiya i rabotnykh domakh. Vypusk IX. Otchet po okazaniyu trudovoy pomoshchi ot neurozhaya v Sibiri. 1902 g. SPb., 1904.
18. Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedeniy po sel'skomu khozyaystvu Rossii i inostrannykh gosudarstv. God desyatyy. Pg., 1917.
19. Sifman R. I. Dinamika chislennosti naseleniya Rossii za 1897–1914 gg. // Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i SSSR. M., 1977.
20. Filtzer D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943–1953. Cambridge, 2010.